

Рассказ

Город в низине с рекой, с трепещущими огнями обнимали сумерки. Подмораживало, пощипывало щеки. Гришка, поежился, но с места не двинулся.

Сейчас из толпы прохожих появится мать в ватнике, тяжелых сапогах, в платке, надвинутом на самые брови. Одними глазами мать спросит Гришку: «Ну, как?» А разве расскажешь, как он, Гришка, старался не выпустить Лешкиных голубей, только посмотреть хотел, а они — порх! — и улетели. Гришка пытался их поймать на лету, пробежался по крыше — под ногами затрещал шифер. Откуда-то появился Лешкин отец, стал браниться и грозить, что вызовет милицию и его, Гришку, посадят в тюрьму. Отец Лешки поднимался по пожарной лестнице — путь к бегству был отрезан, и Гришке пришлось спрыгнуть прямо с крыши. То ли Гришка от страха охнул, то ли Лешкин отец. Дом двухэтажный, Гришка спрыгнул удачно, но попал в лужу. Брызги грязным кружевом залепили окна Ларискиной бабушки — Анастасии Ивановны. С воплем выскочила она и погналась за Гришкой. И опять ему пришлось убежать.

Гришка всего этого не расскажет матери, не осмелится. Она скажет тихо и печально: «Горе ты мое», — и будет идти впереди Гришки, а он чуть-чуть поодаль за нею, будет ему очень не по себе и не

будет он знать, как раздобыть молчаливую мать.

Тут увидел он ее с подругами, в таких же заляпанных известью и штукатуркой ватниках. Это они и Гришкин дом построили, когда Гришка был совсем маленьким и ходить не умел. Теперь же он первоклассник, умеет читать, а мать строит на заводе новый цех. Недалеко отсюда: съешь по пути два мороженных и вот тебе — завод.

Гришка шагнул навстречу матери и остановился. Тетя Люба погладила его по голове, тетя Даша провела рукой по щеке, а тетя Клава просто улыбнулась ему в глаза. Гришка потупился: вот пристали, будто он маленький! Женщин унесло с потоком прохожих, а мать приостановилась возле Гришки. Протянула яркую расцвеченную книжку, одними глазами чуть улыбнулась: это тебе, мол. Гришка уцепился за книгу обеими руками, прижал к груди. Они свернули на свою улицу: мать впереди, Гришка чуть-чуть поодаль за нею. Дома мать заторопилась: гремела посудой на кухне, потом стала подшивать и гладить новое платье.

Гришка вслух прочитал подаренную ему книжку о Мухе-цокотухе, не промолчал и о своих делах. Боялся, а вдруг откроется дверь и появится Лешкин отец с Анастасией Ивановной! Гришка замолкал на полуслове, прислушивался...

А мать на этот раз не называла его «своим горем» и не слушала будто.

Гришка доедал свой любимый суп-харчо, когда мать переделась и показалась перед ним в пальто и белом шарфике, смущенная, с виноватой улыбкой.

— Гриш, я в кино иду.

— Что ж ты не говоришь! Я же одеться не успею!

— Тебя не пустят вечером в кино. Пойдем с тобой в воскресенье.

До воскресенья далеко, но ничего не поделаешь — в кино Гришку и правда не пропустят.

— Побудешь дома на этот раз один,— сказала мать.

Гришка промолчал, лишь губы задергались.

Мать вздохнула, остановилась у двери.

— Книжку, знаешь, кто тебе передал? — спросила она, Гришка молчал.

— Отец,— тихо досказала она.

Гришка встрепенулся:

— Отец?.. Папа? А какой он?

— После узнаешь.

— Он приедет к нам?

— Приедет, вот дождемся!

— Ну, ладно, иди,— разрешил

Гришка.— А я буду тебя ждать.

Гришка поудобнее уселся на диване, погладил прохладную обложку новой книжки, приготовился ждать.

Спящим и застала его мать, возвратясь из кинотеатра.

День выдался с дождем и снегом. Хоккей не ладился — коньки спотыкались на рыхлом, почерневшем от грязи снегу. Зима называется! А тут еще Лешка, не вратарь — мазила — пропустил подряд два гола. Лариска тоже умница, взялась играть и сразу гол в свои ворота — бац! Лариску прогнали, а гол все равно засчитали.

Только стало подмораживать, упруго заскользили коньки, как прибежала Лариска и кричит на всю улицу:

— Гриш! Мать пришла!

— Пришла так пришла! — огрызнулся Гришка, показывая свою не-

зависимость. Но его потянуло домой, к матери. И неохота оставлять игру.

Лариска его нерешительность поняла по-своему.

— И правильно, Гриш, не ходи! А то как глянет...

Гришка собирался сказать: «Ну и дура ты», хотел даже толкнуть Лариску, чтобы свалить ее с ног, однако сдержался, только сверкнул глазенками. Молча снял коньки, перекинул через плечо и заторопился домой.

Едва переступив порог, он крикливо начал рассказывать и о Ларискином голе, и о Лешке горе-вратаре, о самых последних мальчишеских новостях. Одежка с Гришки вроде бы слетала сама собой. В теплых носках мягко протопал он через кухню в комнату. Мать сидела за столом в пальто, шарфик сполз, открыв незагорелый лоб и черные брови. А на белой скатерти, по-праздничному застланной на стопе, пламенели цветы, названия которых Гришка не знал.

— Что это, мам?

— Гладиолусы,— тихо ответила мать, и улыбается, улыбается.

Гришка осторожно, одним пальцем гладит лепестки и смотрит на мать, тянется пальцами к ее лбу и начинает разглаживать брови. И оба смеются. Гришка забыл о снеге, о голах и Лариске.

— Отец передал? — так же тихо спрашивает Гришка.

— Кто же, как не он.

Гришку вызвали в учительскую. Он думал, на очередную взбучку — сегодня катался, по паркету в коридоре и сбил Лариску. Оказалось, его звали к телефону. Звонила мать, Гришка никогда в жизни не разговаривал по телефону и потому крепко сжал трубку, прижал ее к уху. Он молча слушал, почему-то дребезжащий голос матери и — что самое обидное — ничего не мог понять. «Ты слышишь меня, Гриша? Алло! Слышишь?» А он, впопыхах забыв, что надо отвечать вслух, молча кивал головой. Наконец до него дошло — приехал отец, и он закричал: «Ура!..

Папа-а приехал!».

И тут же в трубке загудел незнакомый голос; «Гришатка, отпросись-ка домой! Ждем тебя не дождемся».

Гришка отпросился у Ольги Борисовны, и уже на бегу, путаясь в словах, осведомил директора, что он не сбегает с уроков, а у него отец приехал и Ольга Борисовна его отпустила домой.

Пробегая, по коридору, он кричал всем встречным ученикам и учителям: «Мой папа приехал!.. Папа приехал!..»

Выскочив на улицу, он прокатился с разгона, захватил на газоне горсть чистого снега, на ходу сдавил его в комок, откусил самую малость и, размахнувшись, подбросил снежок. Прищурившись глянул на солнце — от ресниц побежали радужные лучи. Зимнее солнце тепло улыбалось Гришке, неслышно плавило гололедицу.

Пробегая мимо сосны с подушечками снега на игольчатых ветвях, Гришка стукнул ее портфелем, а сосне хоть бы что — и не качнулась. Только когда тряхнул за нижнюю ветку — свалил несколько снежных подушечек, одна — прямо ему в лицо. Гришка взвизгнул и побежал к автобусной остановке. Но ожидать автобуса у него не хватило терпения, и Гришка пошел пешком — ему же скорей надо. Даже забыл взглянуть на дразняще сверкающий велосипед в витрине магазина.

Когда автобус догнал Гришку, он замахал руками и закричал шоферу:

— Возьми!.. У меня папа приехал!

Но только шофер второго автобуса услышал мальчишеский голос и остановил машину. Пассажиры освободили ему место на сиденье.

— Спасибо! — сказал Гришка и шоферу, и пассажирам, а они улыбались в ответ. А он боялся теперь одного: как бы ему не проехать свою остановку. И не отводил глаз от окошка.

На остановке Гришку ждала мать, а рядом с ней загорелый дяденька. «Отец!» — словно что кольнуло

мальчика, и он кубарем выкатился из автобуса. Но разве этот дяденька его отец? Гришка насторожился, а сам ни с места. Мать говорила, что отец его был и шофером, и спортсменом, и летчиком, и капитаном на пароходе, и космонавтом, но всегда большой-пребольшой, с белым, как у Гришки чубом. Гришка весь в отца. Откуда же у беловолосого Гришки такой чернобровый и черноволосый отец?

Мужские руки тянутся к Гришке. «Не лучше ли сбежать?» — еще успел подумать мальчик. Но сильные руки уже тормозили, подбрасывали его, прижимали к колючей щеке. Гришка упирался.

— Вот и Гришок мой,— тихо сказала мать.

Гришка хотел добавить, что мать зовет его еще и горем своим, что его учительницу зовут Ольгой Борисовной, но почему-то промолчал.

Дядю, кого мальчик никак не решился назвать папой, интересовало все: и учителя, и одноклассники, и хоккей, и вредная Лариска даже. И мальчик незаметно разговорился. Шел он, крепко держась за мужскую теплую руку. Вспомнился Лешка — он никогда не ходил с отцом за руку. Отец у него строгий и злой, хлещет Лешку ремнем,

Гришка вырвался из рук, забежал наперед:

— Пап, а ты меня ремнем бить не будешь?

— Что ты! Я совсем не драчливый,— и засмеялся. Так смеяться Лешкин отец не умеет, нет!

— А ты больше не уедешь?

— Нет.

— Никогда-никогда?

— Никогда.

Гришке стало хорошо до слез, он почувствовал, что сейчас расплечется, как маленький, и уткнулся отцу в рукав куртки.

— Э-э-э, первоклассникам плакать не положено,— сказал отец, пряча его чуб под папаху и заодно утирая слезы.

Гришке и невдомек было, как трудно этому большому, сильному человеку впервые в жизни произнести

слово «сын»,

— Пойдем, сынок, — сказал он и взял Гришку за руку.

За другую руку Гришку взяла мать. Глаза ее блестели, наверное, от слепящего зимнего солнца.

Гришка старался шагать в ногу.